

«Великая Схизма: православный взгляд». Статья председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата архиепископа Волоколамского Илариона в газете «НГ-религии» («НГ-религии» от 15 июля 2009 года)

Двухтысячелетняя история христианства полна событиями, определившими собой жизнь не только Церкви Христовой, но и целых народов и цивилизаций. Несомненно, одним из них стало разделение между Восточной и Западной Церквами, традиционно датируемое 1054 годом.

У истоков конфликта стоял спор об обрядовых различиях между Западной и Восточной Церквами. Различия эти существовали на протяжении всего первого тысячелетия христианской истории, но никогда еще они не приводили к разрыву церковного единства. Непосредственным поводом к нему послужило распоряжение Константинопольского патриарха Михаила Керуллара (1043 – 1058 г.г.) о закрытии в Константинополе церквей и монастырей латинского обряда, совершавших Евхаристию на опресноках. Данное распоряжение явилось в свою очередь ответной мерой на притеснения греков в южных, хранивших византийскую традицию, провинциях Италии. Для разрешения данной ситуации папа Лев IX (1049-1054) направил в Константинополь легатов во главе с кардиналом Гумбертом. Когда папские легаты еще находились в пути, папа Лев скончался, и тем самым они, как его личные посланцы, автоматически утратили свои полномочия. Поэтому анафема патриарху Михаилу Керулларию и «иже с ним», провозглашенная в булле, которую кардинал Гумберт 15 июля 1054 года возложил на алтарь Святой Софии, не имела никакой канонической силы. Анафема, которую в свою очередь патриарх Константинопольский и его епископы в качестве ответного шага провозгласили на своем синоде, касалась лишь легатов Римской Церкви лично. С формальной точки зрения, это столкновение Запада и Востока не должно было привести ни к прекращению общения между Восточной и Западной Церквами, ни даже к разделению между Римским и Константинопольским Патриархатами.

История Церкви уже знала периоды, когда церковное общение между Римом и Константинополем временно прерывалось, но осознание необходимости единства Церкви Христовой и воля к нему помогали западным и восточным христианам вновь приходить к согласию. Почему же этого не произошло в 1054 году? Поначалу могло показаться, что речь идет лишь об одном из многочисленных недоразумений, время от времени возникавших в межцерковных отношениях. Однако впоследствии стало ясно, что столкновение между папскими легатами и патриархом Константинопольским Михаилом Керулларием лишь обнаружило более глубокие противоречия и

разногласия в отношениях между двумя Церквями, которые назревали в течение предшествующих веков и привели, наконец, к Великой Схизме. Разграбление Константинополя крестоносцами в 1204 году, воочию продемонстрировавшее тот факт, что католические рыцари уже не считали православных своими братьями по вере, окончательно утвердило разделение.

К подлинным причинам разрыва отношений между двумя частями христианского мира следует отнести особенности богословского, культурного и политического характера, которыми было отмечено развитие, прежде всего, западного христианства. Его ориентированность главным образом на наследие латинской культуры и слабое знакомство с греческим языком и богословием греческих Отцов Церкви привело к преобладанию в западном богословии тринитарных воззрений блаженного Августина и других латинских отцов с их учением об исхождении Святого Духа «и от Сына» (*Filioque*). Включение этих слов в Никео-Цареградский Символ веры сначала в Испании в VII веке, а с 1014 года и в Риме негативно воспринималось на Востоке, особенно после патриарха Фотия, писавшего против Филиокве. В области экклезиологии дух римского права, а также теория блаженного Августина об извечной борьбе «двух градов» – небесного и земного, Церкви и государства, – способствовали формированию на Западе слишком юридического представления о природе Церкви и церковной власти. Римский епископ воспринимался там уже не только как первый среди равных в системе пяти Патриархатов, образовавших Вселенскую Церковь, но как верховный глава всей Церкви и викарий Христа, имеющий непосредственную власть над другими патриархами и светскими правителями. Речь здесь шла об уже иной, по сравнению с восточной, экклезиологической модели: если на Востоке утверждался принцип коллегиальности, соборности, высшим проявлением которого были Вселенские Соборы, то на Западе постепенно возобладал монархический принцип церковного управления. Конфликт 1054 года между патриархом Михаилом Керуларием и папскими легатами, которые вели себя очень высокомерно, стал еще одним частным проявлением противоречия между двумя экклезиологическими принципами. К сожалению, он имел трагические последствия для церковного единства.

Последующие попытки примирения между Католической и Православной Церквями не могли увенчаться успехом в силу общей политики Римского престола в отношении Восточных Церквей, требовавшей от последних прямого подчинения Риму и принятия положений латинского богословия, таких как, например, Филиокве или учение о чистилище. Яркими примерами тому могут служить Лионский собор 1274 года и Ферраро-Флорентийский собор 1438-39 г.г. В обоих случаях православные участники соборов, стремясь достичь главным образом политических целей, были вынуждены пойти на уступки и принять условия Папы. Такого рода «объединения» на условиях, продиктованных Римом, получили название «уний». Не основанные на действительном согласии в истине Христовой и верности Преданию, «унии» не объединяли, а только сеяли недоверие и разобщенность между православными и католиками. Печально известна Брестская уния 1596 года, которая за время своего существования ознаменовалась жестокими гонениями на

православных, а в наше время вновь привела к столкновениям между греко-католиками и православными в Западной Украине. Как писал известный церковный историк протопресвитер Александр Шмеман, «именно эти униональные попытки больше, чем все остальное, укрепили разделение, ибо сам вопрос о единстве Церкви надолго смешали с ложью, с расчетом, отравили его нецерковными и низкими мотивами. Церковь знает только единство и потому не знает «унии». Уния в конечном итоге есть неверие в единство, отрицание того очищающего огня благодати, который все «естественное», все исторические обиды, преграды, рвы и непонимания может сделать небывшими, преодолеть силой единства» («Исторический путь Православия», Париж, 1989, с. 301).

Диалог в подлинном смысле этого слова смог начаться между двумя Церквями только с реформами Второго Ватиканского собора (1962 – 1965), который положил начало принципиальному изменению самого подхода к выстраиванию отношений Католической Церкви с христианами других Церквей. Уже не призывы «возвратиться» в лоно «Матери-Церкви», а равноправный диалог стал определяющим в отношениях с Православием. Впервые после разделения 1054 года Римско-Католическая Церковь официально признавала, что Православные Церкви обладают апостольским преемством и таинствами, необходимыми для спасения (см. Декрет «Unitatis redintegratio», 15.3). Православные наблюдатели, в том числе и от Русской Православной Церкви, присутствовали на всех сессиях Второго Ватиканского собора, а само его завершение было ознаменовано глубоко символическим актом – взаимным снятием анафем 1054 года, – осуществленным одновременно папой Павлом VI в соборе Св. Петра в Риме и патриархом Константинопольским Афинагором в Фанаре 7 декабря 1965 года. Папа Павел VI и патриарх Афинагор расценивали этот акт как «выражение искренней обоюдной воли примирения и как приглашение следовать далее в духе доверия, взаимоуважения и любви». С канонической точки зрения, этот акт был вполне правомерен, поскольку анафемы 1054 года, как мы знаем, касались только отдельных представителей Римской и Константинопольской Церквей. Однако одним снятием анафем, каким бы важным ни было это событие само по себе, разделение между Церквями не могло быть преодолено. Глубинные причины, приведшие к разделению между Западом и Востоком, были и до сих пор остаются препятствием на пути к восстановлению единства. И Павел VI, и Афинагор прекрасно отдавали себе отчет в том, что «акта справедливости и взаимного прощения недостаточно, чтобы положить конец разногласиям, существующим между Римско-Католической и Православной Церквями» (Совместная декларация, 5).

Со времени событий 1054 года этих разногласий не только не стало меньше, но напротив, они приобрели еще более серьезный характер как в силу провозглашения в Римско-католической Церкви новых догматов о Непорочном Зачатии Девы Марии и непогрешимости папы Римского, так и в силу тех конфликтов и исторических обид, которые породила униональная политика Рима по отношению к Православным Церквям. Важным, однако, стало осознание необходимости диалога и

стремление к взаимопониманию между Церквями, что давало возможность начать обсуждение существующих разногласий. В 1979 году была создана Международная смешанная комиссия по богословскому диалогу между Римско-Католической и Православной Церквями, в работе которой участвовали представители всех Поместных Православных Церквей. Главной темой, стоявшей на повестке дня комиссии, была, конечно, экклезиологическая проблема. Ее обсуждение решено было начать с изучения вопроса о сакраментальной природе Церкви. Однако уже на IV пленарной ассамблее в г. Бари (1987) православными участниками диалога была поднята болезненная тема унии и так называемых Восточных Католических Церквей. Она приобрела особенную остроту после 1989 года с возрождением Греко-Католических Церквей в Восточной Европе (главным образом, на Украине и в Румынии), которое сопровождалось многочисленными проявлениями насилия по отношению к православным. Возникшая ситуация значительно осложнила до тех пор плодотворно развивавшийся богословский диалог между двумя Церквями, и он был фактически приостановлен в период с 1990 по 2005 годы. Пленарные ассамблеи Смешанной комиссии во Фрайзинге (Германия, 1990 г.), Баламанде (Ливан, 1993 г.) и Балтиморе (США, 2000 г.) занимались исключительно проблемой унии и приняли ряд важных заявлений по этому вопросу. На заседании в Баламанде было подчеркнуто, что «униатство не может быть принято ни как метод, ни как модель единства, к которому стремятся наши Церкви» («Униатство как способ объединения в прошлом и поиски полного единства в настоящем», Баламанд, 1993, 12). Баламандское соглашение содержало также целый ряд практических рекомендаций, направленное на снижение напряженности между православными и католиками в районах совместного проживания. Однако, к сожалению, рекомендации так и остались на бумаге, а на практике греко-католики не пожелали им следовать. Напротив, на Украине развернулась активная экспансия униатства, которое стремится выйти за пределы Западной Украины и распространиться на Восток, где оно никогда ранее не занимало сколько-нибудь значимых позиций. Ярким свидетельством этой экспансионистской политики, проводимой в ущерб Православной Церкви, является состоявшийся в 2005 году перенос центра греко-католической архиепископии из Львова в Киев и проект придания ей статуса патриархата, который она никогда ранее не имела. Уния, таким образом, не только является печальным фактом прошлого, разделявшим Восток и Запад на протяжении нескольких столетий, но и до сих пор представляет собой серьезное препятствие на пути к восстановлению утраченного единства между Церквями.

Определенный положительный сдвиг в отношениях между Римско-Католической и Православными Церквями наметился с избранием в 2005 году на римский престол кардинала Йозефа Ратцингера, известного богослова и приверженца церковной традиции. По взаимному согласию католической и православной сторон после пятилетнего перерыва была возобновлена работа Смешанной комиссии по диалогу. Ее участники приняли решение вернуться к обсуждению богословской проблематики и сосредоточить свое внимание на центральном для православно-католического диалога вопросе примата в Церкви.

Не стоит питать надежд на скорое достижение двумя Церквами вероучительного согласия. Долгие годы жизни порознь оставили после себя слишком тяжелое наследие, и оно еще долго будет давать о себе знать. Работа Смешанной комиссии не будет легкой и, по-видимому, продлится много лет. В то же время, уже сейчас существует ясное осознание того, что Римско-Католическую и Православную Церкви многое объединяет, особенно в области социальной и этической проблематики. Как раз в этой области сотрудничество между двумя Церквами приобретает сегодня особенную актуальность и значимость на фоне процессов секуляризации, которые затронули в первую очередь Европу. Именно в Европе натиск воинствующего секуляризма против религии приобретает наиболее агрессивные формы; именно Европа фанатично отрицает собственное христианское наследие; именно в Европе глубокий демографический кризис охватил христианское население, ставя под угрозу само его существование в будущем. В христианских кругах все больше ширится убеждение в необходимости для православных и католиков совместно встать на защиту традиционных христианских ценностей в Европе, которая рискует совершенно утратить свою многовековую христианскую идентичность.

О неотложности совместных действий на встречах с представителями Римско-Католической Церкви неоднократно говорили и покойный Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, и новоизбранный Святейший Патриарх Кирилл. С удовлетворением можно отметить, что подобное сотрудничество уже осуществляется на уровне международных европейских организаций, таких как Совет Европы в Страсбурге, органы Европейского союза в Брюсселе, ОБСЕ и других. В частности, католические и православные представители при Совете Европы совместно выступили против проекта Европейской конституции, в котором ни словом не упоминалось о христианских корнях европейской цивилизации. Представители Римско-Католической и Православных Церквей активно поддержали проведение в рамках ОБСЕ первого круглого стола, посвященного проблеме дискриминации христиан в современной Европе. Обеими Церквями совместно организуются международные конференции по отстаиванию традиционных христианских ценностей в Европе, среди которых можно особо выделить форумы, прошедшие в Вене (Австрия, 2006 г.) и Тренто (Италия, 2008 г.).

И православным, и католикам сегодня необходимо ответить на следующий вопрос: не будучи единой Церковью, можем ли мы научиться действовать как единая структура перед лицом внешнего мира? Вышеприведенные примеры доказывают, что можем. Папа Иоанн Павел II, говоря о единстве Церкви, любил использовать метафору русского поэта и мыслителя Вячеслава Иванова о необходимости для христианства дышать двумя легкими – западным и восточным. В наши дни ивановская метафора часто используется применительно к Европе и европейскому христианству. Мы можем сказать, что Европа сегодня как никогда прежде нуждается в

согласованной работе «двух легких» – Римско-Католической и Православной Церквей, которые призваны объединить свои усилия для защиты традиционного христианства и духовного здоровья общества.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/58836/>